

---

## ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ЭКОНОМИКИ

---

*Среди основных направлений работы редколлегии журнала в последнее время четко обозначилось расширение связей и творческого сотрудничества с ведущими учеными гуманитариями зарубежных стран. Особое внимание в этом процессе мы уделяем печатанию тех материалов, которые отражают глубокий и всесторонний анализ функционирования и развития современного человеческого общества, побуждают читателей к самостоятельной мыследеятельности, становятся основанием для творческого обсуждения и выработки новых направлений и методов обществоведческих исследований. В этом номере журнала мы публикуем статью докторов экономических наук сотрудников экономического факультета Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова Александра Владимировича Бузгалина и Андрея Ивановича Колганова, которые любезно согласились предоставить редколлегии нашего журнала право публикации их научных работ. Это, безусловно, знаменательное событие для нас и наших читателей, которое будет способствовать повышению уровня теоретических обсуждений на страницах журнала, вносить новый импульс в развитие, прежде всего методологических принципов и оснований социоэкономических исследований.*

*Г.В. Задорожный, главный редактор журнала*

---

## КАПИТАЛ XXI ВЕКА. К ТЕОРИИ КОРПОРАТИВНОГО КАПИТАЛА ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ЭПОХИ

---

БУЗГАЛИН Александр Владимирович, доктор экономических наук, профессор экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, главный редактор журнала «Альтернативы»

КОЛГАНОВ Андрей Иванович, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

---

### Введение

Данный текст претендует на постановку ряда гипотез, носящих *теоретический характер*. Последнее означает, во-первых, попытку построить исследование в марксистской парадигме и рассмотреть развитие предмета во взаимосвязанной *системе категорий*. Этот подход радикально отличается от нынешних постмодернистских установок.

Во-вторых, речь идет именно о *гегемонии* капитала. Это не просто власть капитала как определенной суммы денег или даже производственного отношения. *Гегемония капитала* — это синтез всех форм, механизмов и каналов его воздействия на человека и общество со стороны капиталистических производственных отношений и их политических, идеологических и т. д. форм, всестороннее подавление и подчинение капиталом общества и человека — от экономической жизни до нравственных ценностей. При этом гегемония

капитала оказывается феноменом, часто не замечаемым (или, по меньшей мере, не акцентируемым) в современном капиталистическом мире с его относительной внешней демократичностью и формальным идеологическим плюрализмом, однако в действительности она является именно *тотальной* гегемонией, т.е. охватывает все стороны социальной жизни (во времени и пространстве), все «пласты» социума (от экономики до морали) и не зависит от воли индивида.

Суть данной гипотезы в утверждении: *«поздний» капитализм, объективно кажущийся либеральным и демократическим, является по существу системой тотальной власти и подавления, основанной на капитале.*

Наконец, мы формулируем еще одну гипотезу: ныне, на рубеже столетий, капитал существует прежде всего как *корпоративный*. Авторы имеют в виду в данном случае не просто корпорацию как акционерную форму капиталистического предприятия или систему так называемой корпоративной собственности и власти ТНК<sup>1</sup>, но нечто большее. *Корпоративный капитал* — это сращивание власти современного транснационального капитала и поддерживающего его государства со специфическими отношениями и механизмами подавления человека и организации его жизнедеятельности, основанными на использовании (1) производственной кооперации и подчиняющего человека общественного разделения труда, (2) иерархического бюрократического управления, (3) навязанного внешней силой (капиталом) объединения людей в закрытую структуру и т.д.

Сказанное позволяет уточнить *«сверхзадачу»* данного текста: *продолжая, развивая и критикуя (в диалектическом смысле) «Das Kapital», показать и то, как «старые» (описанные в «Капитале») отношения живут в снятом виде в сегодняшнем мире, и то, как они дополняются (в процессе разворачивания и самоотрицания капитализма) новыми отношениями, образуя в целом систему тотальной гегемонии корпоративного капитала.*

При этом задача состоит именно в постановке и кратком обосновании *гипотез*.

Особенностью нашего подхода является то, что мы говорим не просто о «позднем» капитализме, но и об «отмирании», «закате» *экономической общественной формации или, шире, «царства необходимости», всей эпохи отчуждения.*

Для нас здесь существенно то, что период конца XX - начала XXI вв. характеризуется *самоотрицанием «царства необходимости»*. Суммируя сказанное в многочисленных работах зарубежных и отечественных авторов, мы можем выделить, в частности, следующие направления<sup>2</sup>.

Во-первых, тенденция вытеснения материального производства, основанного на индустриальном репродуктивном труде, «креатосферой» — миром постэкономической жизни, основанной на творческой деятельности (в условиях «позднего» капитализма эта тенденция реализуется в превратной форме гипертрофированного развития сферы услуг и, в особенности, сферы трансакций).

Во-вторых, радикальными изменениями факторов общественной деятельности: материальные, ограниченные, воспроизводимые вещные ресурсы замещаются культурными ценностями, которые распрямечиваются и опредмечиваются в процессе творческой деятельности (но не потребляются: научную теорию или симфонию нельзя «износить» или «съесть»). Соответственно, важнейшим «ресурсом» производства становятся не машины, техника, а человек с его творческими способностями; важнейшей сферой деятельности должно стать производство этого ресурса — формирование такой творческой личности в процессе образования, воспитания и т. п. (Заметим, что «позднейший» капитализм эти тенденции реализует в превратных формах «информационной революции», «общества

<sup>1</sup> Эта система отношений описана (на примере Японии) в работе: Окумура Х. Корпоративный капитализм в Японии. - М., 1986; а также в работе: Doremus P., Keller W., Pauly L., Relch S. The Myth of the Global Corporation. - Princeton, 1998.

<sup>2</sup> Подробнее они были раскрыты в книге: Бугзалин А. В. По ту сторону «царства необходимости». - М., 1998.

профессионалов» и т. п.)

В-третьих, закат «царства экономической необходимости» характеризуется генезисом и обострением глобальных проблем. Последние могут быть определены именно как *глобальные (охватывающие все человечество во времени и пространстве) проблемы и противоречия, порождаемые кризисом формации, основанной на господстве экономического способа взаимодействия человека с природой и отчуждения как способа общественной организации.* Этот кризис порождается «перезрелостью» этой формации на ее «позднейшем» этапе и сопровождается подрывом, самоотрицанием ее основ (таких, как доминирование материального производства, отношение к природе как к источнику сырья, а не как к культурной ценности и т. п.).

*Самоотрицание капитализма и «царства необходимости» есть не просто совпадающие, но единые процессы, ибо капитал есть важная и наиболее совершенная (а значит, и наиболее чудовищная и жесткая) форма мира отчуждения.*

*Соответственно, единый процесс подрыва собственных основ («заката») и «позднего» капитализма, и «позднего» царства необходимости и есть наш предмет.*

Представленные выше рассуждения позволяют авторам построить описание системы отношений тотальной гегемонии капитала как снятие господствующим ныне корпоративным капиталом всей предшествующей системы отношений капитализма.

При таком подходе исходным пунктом возникающей на пороге XXI века тотальной гегемонии капитала становится феномен, который может быть назван *«тотальным корпоративно-сетевым рынком»* («рынком сетей»), охватывающим все сферы социально-экономической (а также духовной и т. п.) жизни. Этот феномен является новым, сложившимся в глобальном мировом хозяйстве видом товарных отношений.

### 1. Тотальный корпоративно-сетевой рынок («рынок паутин»)

Капитал в конце XX века начал восстанавливать подорванную социал-реформистским периодом *всеобщую власть рынка как господствующей формы координации (и аллокации ресурсов).* Но это восстановление осуществляется на новой основе (на основе информационных технологий, достижений предшествующей эволюции капитала, кризиса «социализма», глобализации...) и потому с новым содержанием. Корпоративный капитал эпохи глобализации генерирует процесс становления *тотального рынка.* Его существеннейшей чертой стало завершение начавшегося с эпохой монополистического капитала перехода к *рынку, где господствует не покупатель, а тот, кто навязывает ему определенную систему потребностей,* а именно — корпоративный капитал. Именно он сознательно манипулирует остальными агентами рынка, будь то домохозяйства или мелкие производители. Все они превращаются в клиентов корпораций, точнее — корпоративного капитала, который *тотально* господствует над всеми параметрами социально-экономической жизни. Так появляется своего рода рыночная диктатура, рыночный тоталитаризм, соединяющий власть рынка, капитала и корпоративных структур эпохи неолиберализма в единый механизм подчинения человека и общества, скрывающий под личиной свободной конкуренции тотальную гегемонию капитала.

Рассмотрим генезис этого феномена подробнее, обратившись прежде всего к анализу сущностной основы всякого товарного производства: противоречию общественного разделения труда и обособленности товаропроизводителей.

Самое главное изменение в природе общественного разделения труда, характерное для современного тотального рынка, связано с развитием *глобального обобществления и информационных технологий.* На место подвижной и гибкой атомарной структуры (отдельные производители и их связи) приходит вязкая и аморфная структура, образующаяся как взаимоналожение различных *сетей-паутин.* Так возникает своего рода *тотальный рынок сетей, где место отдельных единиц занимают аморфные, врастающие друг в друга сети* — информационные, энергетические, транспортные, финансовые и т. п. Наиболее

близким по своей технологической природе для корпоративно-сетевого рынка становится так называемое *«сетевое предприятие»*, где единая система информации и стандартов соединяет в единую цепочку производства «точно вовремя» и для конкретного потребителя тысячи звеньев.

Если использовать некие образы, то этот рынок можно сравнить с совокупностью мощных паутин или *полей притяжения*, центрами формирования которых (генераторами поля, «пауками») являются крупнейшие корпоративные капиталы, *агенты глобализации* (подробнее о них — в конце этого текста), прежде всего — ТНК. Так складывается *тотальный корпоративно-сетевой рынок — рынок паутин*.

Такое изменение общественного разделения труда не может не быть взаимосвязано и с новым качеством *обособленности производителей*. На место обособленности мелких частных товаропроизводителей и товаровладельцев, хозяйствующих на свой страх и риск (одна из глубинных черт всякого рынка), приходит тотальная власть транснациональных корпораций, которая при этом порождает видимость «ренессанса» мелкого бизнеса и свободной конкуренции. Более того, только в этой по видимости свободно-конкурентной среде (и посредством ее) может развиваться эта власть. Рассмотрим эту диалектику подробнее.

Обособленность агентов глобального рынка весьма специфична и разделяет их на два крупных типа. *Первый тип агентов «рынка сетей» — корпоративные капиталы («пауки»), которые формируют поле зависимости (паутину). Второй тип агентов рынка сетей — «клиенты» — те, кто вплетены в паутину, подчинены «полю зависимости» и функционируют в рамках, формируемых в процессе борьбы этих пауков.*

*Социально-экономическая природа «поля зависимости», генерируемого крупнейшими корпоративными капиталами, состоит в мультипликации эффекта «неполной плановности» на основе (1) развития обобществления производства до образования новой, «сетевой» системы разделения и интеграции труда в глобальных масштабах, (2) снятия достижений социал-реформизма и превращения корпоративных сетей в квази-государства, распространяющие контроль и регулирование не только на параметры рынка (цены, объемы закупок/реализации и т. п.), но и на социально-институциональные параметры экономической жизни («правила игры»), (3) включения методов неэкономического воздействия — от современных методов социально-психологического давления при помощи mass media и т. п. с целью создания такой общественной атмосферы, где «поле» их власти распространяется максимально легко и эффективно (формирование установок социально-пассивного поведения потребителя, клиента, «профессионала», например) до старых методов прямого насилия по отношению к «непослушным» объектам (вплоть до «асфальтирования» целых государств)<sup>3</sup>.*

Важнейшей чертой «рынка паутин» является диалектическое снятие олигополистической конкуренции и социал-реформистского регулирования. Нынешний рынок это не анархия XIX века (своего рода игра без правил) и не рынок, регулируемый социальным государством (игра, но по правилам, устанавливаемым извне и при участии граждан). Им на смену приходит *«новый порядок»: имеющие форму «свободной» конкуренции контрактные, регулируемые в локальных масштабах отношения, тотально подчиненные правилам, которые устанавливаются в процессе борьбы самых мощных игроков — сетевых корпоративных структур.*

*Корпоративные капиталы не только сознательно регулируют в локальных масштабах параметры рынка (выполняя роль своего рода «приватизированных» квази-государств), но и, что принципиально важно, воздействуют на (1) образование и динамику*

<sup>3</sup> Как отмечает Т. Фридман, «Тайная рука рынка никогда не работает без тайного кулака. Макдональдс не может расцвести без Макдональдс—Дуглас, производителя F-15. И тайный кулак, который поддерживает безопасность технологий Силиконовой долины, называется армия, флот, ВВС США» (New York Times Magazine. 1999. March 28).

сетей, а значит — на структуры экономики, пропорций, разделения труда, потребностей клиентов и т.п., (2) формирование «рамки» рынка и «правил игры» на рынке, (3) регулирующие действия государства (эти три параметра являются еще одним уточнением социально-экономической природы «поля зависимости»).

Более того, можно сделать вывод, что в той мере, в какой развит тотальный корпоративно-сетевой рынок, крупнейшие капиталистические корпорации-сети как бы «выпадают» из-под общественных ограничений, уходят от контроля государства, профсоюзов и других объединений трудящихся, институтов гражданского общества; выходят за устанавливаемые ими рамки, нарушают «правила игры», разрушая достижения социал-реформистского периода.

В результате складывается система отношений, названная на Западе «кооперативным»<sup>44</sup> («договорным», «контрактным») капитализмом. Более того, в разных странах в разной мере, но в общем и целом повсеместно развивается такой alter ego «кооперативного» капитализма, пронизанного корпоративными иерархиями, как «блатный капитализм» (stopу capitalism). По мере развития информационного, профессионализованного, зависимого от «человеческих качеств» общества «дружба» как способ получения информации и воздействия на «партнера-конкурента» превращается в мощнейший канал власти, компонент «пучка» прав собственности. Капитализм проходит по своеобразной спирали «отрицания отрицания» от «блатных» отношений раннего капитализма, едва вырастающего из феодальных форм личной зависимости, через юридически-формальный капитализм «классической» эпохи до капитализма эпохи сговоров и кооперации корпораций, блатного разложения корпоративных иерархий, зависимости важнейших решений от «дружбы» высших менеджеров и т. п. Так складывается «контрактно-блатная» форма взаимодействия агентов корпоративно-сетевого рынка, с доминированием в одних случаях формальных, в других — неофициальных (блатных) договорных отношений.

В то же время (и здесь мы подходим к пониманию *внутреннего противоречия тотального рынка*) борьба и взаимодействие корпоративных структур в целом является стихийным и неподконтрольным никому (ни корпорациям, ни государствам) процессом<sup>5</sup>. Его параметры, как будет показано ниже, определяются прежде всего стихийно формирующимся финансовым рынком и глобальными процессами.

Все это воссоздает видимость восстановления свободного равноправного рынка, скрывающую иную суть этого рынка — контрактно-блатного (по форме), корпоративно-сетевого (по содержанию) рынка, где победителям достается все (winner-takes-all market)<sup>6</sup>.

<sup>4</sup> В. Грейдер, например, подчеркивает, что большинство ведущих мировых мультинациональных корпораций перешло к прагматическому партнерству с конкурентами или активно ищет возможности для создания союзов кооперирующихся фирм. Эти корпорации совместно распределяют фонды, вкладывают капиталы, разрабатывают технологические новшества и т. п. (см.: Divider M. One World, Ready or Not. The Magic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 171). Даже если автор несколько преувеличивает степень кооперации МНК, то тенденция контрактного взаимодействия отмечена верно. Другое дело, что эти «кооперативные» усилия на самом деле являются всего лишь новой формой борьбы корпораций, снимающей механизмы конкуренции. Характерна в этом отношении и работа Фукуямы Ф. «Доверие», где именно этот фактор выдвигается на роль ключевого во взаимоотношениях, а кризис доверия в США рассматривается как одна из важнейших проблем (см.: Fukuyama F. Trust. The Social Virtues and the Creation of Prosperity. N. Y., L., 1995. P. 269-307). Весьма симптоматично то, что этот крайне модный автор именно сейчас вспомнил о факторе «доверия», подчеркивавшемся как основа либерального капитализма всеми апостолами этого течения, начиная с XVIII века.

<sup>5</sup> Характерно, например, что З. Бжезинский одну из своих работ завершает постановкой двух ключевых на его взгляд проблем современного мира: глобального беспорядка и иллюзий контроля (см.: Brzezinski Z. Out of Control. Global ninnoil on the Eve of the 21st Century. N.Y., 1993. P. 201).

<sup>6</sup> Flunk R., Cook P. The Winner-Takes-All Society. N.Y, 1995. P. 1-13. Вывод о том, что «выигрыш» в «игре» на рынке всегда достается меньшинству и что, определяя пропорции, направление инвестиций и даже образ жизни, это меньшинство (несколько идеализируемое автором и не

Наконец, подчеркнем главное: именно в результате прогресса миниатюризации, гибкости, сетевых методов организации технологических процессов и складываются те самые «паутины», о которых речь шла выше. По видимости, они полупрозрачны, тонки, подвижны и аморфны, *кажется*, что вы можете абсолютно легко войти в эти сети и выйти из них, но это объективная иллюзия, когда (как и вообще в случае с превратными формами) «кажется то, что есть на самом деле». Кажется, что эти сети не отрицают свободы агентов рынка. Действительно, вы можете в любой момент «выпасть» из связей с пауками-фирмами: не работать на них (прямо или косвенно — как субподрядчик, реализатор их продукции, пользователь грантов, выделенных созданными ими фондами...), не пользоваться их финансовыми сетями (откажитесь от кредитов, сбережений, пластиковых карточек...), не покупать их продукцию, не смотреть, не слушать, не читать продукцию их mass media. Сделать все это очень просто — так же просто, как наркоману, выросшему в семье наркоманов, «слезть с иглы». *Тотальный корпоративно-сетевой рынок в сущности пропитывает всех его агентов особым наркотиком всеобщей зависимости, причем не столько непосредственно от «пауков», сколько от «паутинок», не столько от суперкорпораций, сколько от создаваемых ими правил, «полей» — не только экономической жизни (производства, потребления, накопления...), но и всех остальных сфер человеческого существования. Все — от индивида (как работника фирм, клиента фирм, потребителя культурной жвачки фирм) до «независимого» производителя — живут ныне по правилам (модели и рамки поведения и деятельности, принципы принятия решений и т. п.), формируемым, повторим, не столько свободным рынком, сколько «полями зависимости» корпораций-сетей, и это происходит в той мере, в какой развит тотальный рынок (вот в чем, а пророс, основы феномена рыночного фундаментализма, которого так опасается Дж. Сорос).*

Генерируется *тотальное подавление нерыночных форм общественной жизни* и в экономике, и в внеэкономической сфере, порождая новый виток экспансии *товарного фетишизма*, омещания общества, восстанавливая в новом виде господство homo economicus с характерным для него доминированием узкоэкономических, рыночных ценностей, стимулов и мотивов жизнедеятельности.

Развитие тотального корпоративно-сетевого рынка — неомаркетизация — закономерно порождает и волну «восстановления» частной собственности, но на базе гегемонии корпоративного капитала — *неоприватизацию*. Этот процесс разворачивается и интенсивно, и экстенсивно, порождая при этом изрядные напряжения в системе прав собственности<sup>7</sup>.

*Интенсивная* экспансия неоприватизации предполагает, что (1) реальные права собственности в экономике все более концентрируются в руках гигантских корпоративных капиталов, (2) в рамках же этих сложно организованных корпоративных структур (ТНК и др.) реальные права собственности<sup>8</sup> все более переходят в руки ограниченного круга частных физических лиц, находящихся на вершине пирамиды корпоративной власти олигархов западного мира, более «цивилизованных» и менее заметных, чем, скажем, российские. Существуют и другие направления интенсивного прогресса «новой частной собственности», на которых авторы здесь не останавливаются.

Оба эти процесса сопровождаются *экстенсивной* неоприватизацией: расширением рамок корпоративного капитала за счет привлечения средств мелких собственников, в том

---

связываемое напрямую с корпорациями-сетями) является архитекторами и реализаторами большей части экономических и технологических инноваций, делает Э. Лутвак. Он предложил и иное имя этому феномену, выдвинув идею *турбокапитализма* (Lullwak E. Turbo-Capitalism. Winners and Losers in the Global Economy. N.Y., 1999).

<sup>7</sup> См.: Belong I. Property Matters. N.Y., 1996.

<sup>8</sup> Подчеркнем: контроль за основными правами собственности и контрольный пакет акций — это далеко не одно и то же.

числе и рабочих; превращением части публично-группового капитала в частно-групповой; распродажей государственной собственности; сокращением других прав собственности, находящихся в руках государства и общественных структур; приостановкой прогресса кооперативов и собственности работников и т. п.

Все эти процессы являются не просто восстановлением «обычной» (мелкой или капиталистической) частной собственности. Нынешний этап «позднего» капитализма характеризуется прогрессом (как было выше отмечено) «новой частной собственности».

Пройдя сложный путь развития (мелкая частная собственность работника => собственность капиталиста-физического лица => акционерная капиталистическая собственность => ...), частная собственность породила сложнейшую пирамиду прав собственности. Экспансия «новой частной собственности» (как «отрицание отрицания» этой эволюции) является процессом *приватизации ключевых прав собственности* как в рамках сложных корпоративных структур, так и в обществе в целом.

Естественно, что процесс неоприватизации (как и другие формы гегемонии капитала) сталкивался и сталкивается с мощными *контртенденциями*. Важнейшие из них связаны с (1) прогрессом обобществления (в индустриальном секторе) и всеобщего труда (в постиндустриальном), причем оба процесса генерируют мощные импульсы создания ассоциированных, общественных форм организаций не только труда, но и распоряжения и присвоения, (2) объективным возрастанием роли общенациональных (или даже общечеловеческих) ценностей и ресурсов, (3) генезисом креатосферы, «ресурсы» которой (информация, культурные ценности, творческие способности и т.п.) по своей природе неадекватны частному присвоению... Перечень легко продолжить<sup>9</sup>.

Естественно, что в эпоху заката «царства экономической необходимости» и обострения вызываемых этим процессом глобальных проблем *неомаркетизация не может не приводить к фундаментальным противоречиям*. Важнейшее из них воспроизводит на новом этапе антагонизм эпохи империализма: необходимость сознательного, исходящего из интересов социума в целом (а это значит, и Природы, и Человека как родового существа) решения существенно углубившегося (по сравнению с началом века) комплекса глобальных проблем, с одной стороны, - с другой - способности хозяев неорынка, «новых частных собственников» и всей этой системы в целом в лучшем случае на время законсервировать эти проблемы, в долговременном плане лишь усугубляя их.

## 2. Виртуальные деньги

Развивая тотальный корпоративно-сетевой рынок как адекватную всеобщую форму своей гегемонии, современный корпоративный капитал порождает и адекватные средства для этого. Деньги как всеобщий эквивалент и мера стоимости, средство обращения всякого развитого товарного производства в нынешнюю эпоху приобретают новые свойства, модифицирующие их предшествующую эволюцию.

Рассмотрим их, начав с некоторых эмпирических характеристик<sup>10</sup>:

- до 80 % транзакций, обслуживаемых деньгами, связано с движением не товаров и услуг, а фиктивного капитала, денежных агрегатов и суррогатов;
- процессы эмиссии (особенно — кредитной) находятся в сильной зависимости от конъюнктуры финансового рынка и, следовательно, определяются фиктивным капиталом как конкретно-всеобщим феноменом;

<sup>9</sup> Более подробно позиция авторов по данному вопросу освещена в упоминавшейся работе «По ту сторону "царства необходимости"».

<sup>10</sup> Одним из источников для предлагаемых выводов послужили солидная коллективная работа «Money and the Nation State. The Financial Revolution, Government and the World Monetary System» (L., 1998) и известная статья П. Суизи (Sweezy P. The Triumph of Financial Capital // Monthly Review. 1994. Vol. 46).

- информационные технологии и электронные деньги создают адекватную технологическую форму для сращивания денег «в узком смысле слова» (агрегат М1) и фиктивного капитала в мировом масштабе, рождая виртуальный фиктивный капитал (ниже авторы особо прокомментируют значительное обратное влияние этой новой формы на содержание — капитал);

- функции меры стоимости, средства обращения и средства платежа выполняют преимущественно не деньги «в узком смысле слова», а новый экономический феномен — синтез денег как М1 и различного рода форм *фиктивного капитала*<sup>11</sup>, «живущих» в финансовых информационных системах, — *«виртуальные деньги»*;

- финансовый рынок (точнее, фиктивный капитал), где живут «виртуальные деньги», является мировым и лишь отчасти зависит от регулирования движения денег «в узком смысле слова», которое осуществляется преимущественно на национальном уровне;

- роль мировых денег выполняет сложно организованная система некоторых национальных валют и их агрегатов (евро), причем сложность системы такова, что она становится принципиально «закрытой» для отслеживания ее жизнедеятельности и сознательному воздействию поддается только как «черный ящик», причем лишь с вероятностно прогнозируемым «выходом» в ответ на определенный «вход». При этом «качество» (в частности, устойчивость, курс и т. п.) *таких* денег зависит в определяющей степени от мирового финансового рынка;

- роль сокровища выполняют преимущественно денежные вклады в крупнейшие банки и другие финансовые институты, где эти вклады «сращиваются» с фиктивным капиталом и оказываются под определяющим воздействием последнего (в том смысле, что их движение зависит и от вложений в ценные бумаги, осуществляемых банками, и от котировки ценных бумаг, эмитируемых самими банками, — в конечном счете, от конъюнктуры мирового финансового рынка).

Опираясь на эти факты и гипотезы, можно сделать вывод: в целом *в современных условиях функционирование денег в узком смысле слова качественно и количественно определяется глобальным (общемировым) виртуальным капиталом*. Это новое качество финансового капитала, которое последний обретает в результате диалектического соединения своих прежних качеств, описанных еще К. Марксом, Р. Гильфердингом, В. Лениным и др., и новых качеств, порожденных развитием (1) информационных технологий (качество виртуальности), (2) корпоративно-сетевых рынков и (3) процессов сращивания транснациональных финансовых (и иных...) корпораций, национальных государств и международных финансовых институтов. Этот капитал, в отличие от «обычного» фиктивного капитала XIX века, «в себе» уже содержит (4) процесс сращивания с производственным монополистическим капиталом, но, в отличие от «обычного» финансового капитала, пройдя спираль «отрицания отрицания», он (5) вновь оторвался от жизнедеятельности реального капитала (производственного, торгового и даже ссудного) и образовал особое пространство своей виртуальной жизни и к тому же, пройдя стадию социально-государственного контроля середины XX века, он (6) преодолел эту власть, вырвавшись на простор глобальных финансовых спекуляций.

Тем самым, *мерой ценности и главным средством жизнедеятельности корпоративно-сетевых рынков становится виртуальный капитал* (финансовый капитал особого рода), скрывающийся за формой виртуальных денег (эмпирически эта научная абстракция может быть соотнесена, но не отождествлена, с агрегатом М4, «живущим» преимущественно в информационных компьютерных системах и, отчасти, в виде бумаг).

*Тем самым, деньги становятся виртуальными и по своей технологической природе, и по социальной форме.*

В первом случае — это продукт развития информационных технологий, создающих:

---

<sup>11</sup> Понятие фиктивного капитала здесь и ниже используется в марксовом смысле. Подробный и очень важный для данного текста комментарий по данному вопросу был дан С. Леоновым.



(1) вид виртуальной реальности, заменяющей золото (металл), (2) возможность неограниченного перемещения и преобразования форм в информационных сетях и финансовых системах.

Во втором случае деньги виртуальны как продукт тотального корпоративно-сетевого рынка (он находит в них адекватную меру ценности товаров — тоже все более виртуальных — и средство своего функционирования) и виртуального (фиктивного) корпоративного финансового капитала, «живущего» в информационных сетях. Виртуальность денег в данном случае означает их *вероятностное*, неустойчивое, случайное бытие. *Деньги из «абсолютного» всеобщего эквивалента, сращенного с устойчивой натуральной формой (золота или серебра), превращаются в аморфную совокупность продуктов жизнедеятельности виртуального капитала*, причем совокупность, качественно разнородную. Иными словами *деньги лишь вероятно (виртуально) выполняют роль и меры стоимости, и средства обмена, и уж тем более — средства накопления*. Каждый из особых видов этих виртуальных денег (а они — мировые по своей природе) с той или иной вероятностью выполнит завтра или послезавтра ту или иную из своих функций, что касается и национальных валют (они же существуют почти *исключительно* в виде электронных записей на одном из счетов одного из банков), и облигаций или любых других слагаемых агрегатов МЗ и М4.

*Соединение названного носителя и социальной формы превращает виртуальные деньги в особую финансовую супер-сеть, «паутину паутинов» (у которой, естественно, есть и свои «пауки»).* Так виртуальный капитал как «супер-сеть» (сеть — «всеобщий эквивалент») *обретает особую роль — всеобщего полустихийного регулятора «сетевого рынка»,* ибо он играет роль универсального «оценщика» стоимости компаний-сетей и, опосредовано, всех товаров, а также универсального средства транзакций (он же выполняет и функцию меры стоимости!).

При этом переход *таких* денег из виртуального бытия в реальное, выполнение ими своих функций связаны с тремя проблемами.

*Во-первых, с огромным риском, что генерирует систему финансовых спекуляций* (а это наиболее быстро растущая сфера бизнеса).

*Во-вторых, с их потенциальной неустойчивостью*, ибо функционирование таких денег зависит от стихийного развития конъюнктуры мирового виртуального капитала. Спекулятивность виртуальных денег и крайняя неустойчивость финансовой сферы требуют гигантских транзакционных издержек (на содержание страховых институтов, охрану прав собственности и т. п., вплоть до защиты информации от хакеров).

*В-третьих, такие деньги находятся в реальной зависимости от функционирования отдельных институтов глобального капитала.* Последнее требует особого комментария.

Едва ли не впервые за предшествующие столетия эволюции капитала *некоторый ограниченный круг крупнейших корпоративных структур* (финансовые корпорации, центральные банки ряда государств, МВФ, МБ и некоторые другие переплетенные друг с другом системы) *приобретает поистине фантастическую власть — власть*, которая ранее была сконцентрирована лишь в объективном безличном феномене *мировых денег*.

Как таковые *виртуальные деньги-капитал* (1) создают возможность превращения сферы финансовых транзакций в особую, оторванную от производства и ускоренно разбухающую (вследствие как возможностей получения спекулятивных прибылей, так и роста транзакционных издержек) сферу экономики, (2) являются адекватным механизмом и формой экспансии этой сферы, (3) создают угрозу (возможность) глобального финансового кризиса.

Учитывая, что неомаркетизация углубляет и глобальные проблемы человечества, а средством относительной стабилизации и регулирования этой системы являются лишь виртуальные деньги, несложно сделать вывод, что *вполне вероятный в обозримом будущем кризис мировой финансовой системы может оказаться детонатором серии глобальных катаклизмов.*

Здесь, на наш взгляд, вполне уместно сделанное Бодрийяром образное сравнение глобальной угрозы финансового кризиса с глобальной угрозой термоядерного взрыва. И крупный финансовый капитал, и средства массового уничтожения, по мнению этого автора, «суперреализованы»: они как бы находятся на орбите над нашими головами, могут в любой момент привести к катастрофе, и хотя сама эта катастрофа пока лишь вероятностна, *угроза финансового коллапса, как и угроза ядерной войны, является реальным глобальным фактором сегодняшней жизни*<sup>12</sup>. Более того, можно считать, и это мнение все чаще развивается и теоретиками, и финансистами-практиками, что кризисы конца 90-х гг. в Юго-Восточной Азии, России и Латинской Америке были своего рода микроинсультами глобального виртуального капитала.

До настоящего времени этот кризис предотвращался прежде всего за счет мощных *контртенденций*. Начнем с того, что описываемые выше процессы пока еще не обрели полную силу. Если обращение денег как знаков стоимости (бумажных и электронных) уже оторвалось от обращения товаров, то функционально знаки стоимости все еще выступают как представители определенного количества товаров (включая и золото как товар особого рода). Еще важнее то, что крупнейшие государства пока все же контролируют движение значительной части денежных агрегатов внутри стран и на мировом рынке в интересах не только корпоративных элит, но и общей стабильности, а приватизация государственных функций не зашла чрезмерно далеко. Власть частных ТНК пока еще недостаточна для соперничества на равных с крупнейшими государствами 1-го мира, а международные финансовые структуры пока что в большей мере подчинены последним, чем первым. Но равновесие крайне шаткое (на что указали первые толчки — финансовые кризисы 1997-1998 гг. в Азии, России и др.), и неомаркетизация вкупе с тенденциями свертывания социального демократического контроля и рамок рынка могут окончательно выпустить джина финансового кризиса из и без того тающей «бутылки» контроля за мировым финансовым рынком.

Может показаться, что виртуальный капитал есть просто возврат к спекуляциям торгового и ростовщического капитала. Но это не так. Накладываясь на гигантский рост обобществления в мировом масштабе (высокоэффективные и дешевые транспортные и телекоммуникационные системы и т.п.) и, главное, генезис информационных технологий, «рынка сетей» и виртуальных денег, капитал порождает в процессе своего самоотрицания новое пространство и время своего доминирования — сферу транзакций. Прежде всего, это пространство и время жизнедеятельности *международного виртуального капитала*, которые могут быть соотнесены с формой финансового рынка. Именно здесь сегодня сосредоточены основные (по своей роли) и гигантские (по своим масштабам) капиталы современного мира.

Этот фиктивный капитал оторван от материального производства по самой своей природе и лишь *в конечном итоге* (благодаря сложнейшей системе опосредствований) обязан своей жизнью (1) капиталу, накопленному за столетия своего господства, (2) собственно материальному производству, где наемные работники создают прибавочную стоимость. (Существенно, что последняя производится ныне многочисленным как никогда ранее мировым классом наемных работников, сосредоточенных преимущественно в странах бывшего «третьего мира» в материальном производстве и других отраслях, где создается стоимость.)

Такой фиктивный капитал утилизирует предшествующий гигантский рост производительности труда, приведший к резкому сокращению удельного веса материального производства и генезису информационных технологий в развитых странах. В результате он оккупирует и подчиняет себе самую современную сферу деятельности и общения — информационные системы, создавшие адекватный базис для жизни и экспансии корпоративного фиктивного капитала. Так возникает особый мир этого виртуального капитала, со своим особым пространством, временем, законами и ценностями жизни.

<sup>12</sup> См.: Baudrillard J. The Transparency of Evil. L. - N. Y., 1993.

Именно этот капитал — *корпоративный виртуальный капитал* — является ныне основной социально-экономической силой тотальной гегемонии капитала вообще.

Суммируя и отчасти повторяя сказанное выше, можно сделать вывод, что *виртуальный капитал* — деньги конца XX - начала XXI в., — в отличие от фиктивного капитала XIX в.:

(1) является *глобальной виртуальной сетью* (а не атомизированной совокупностью денежных единиц, регулируемой национальным государством или совокупностью обособленных финансовых корпораций), единой во всех своих звеньях (виртуальный капитал мгновенно перемещается по ее «капиллярам», реагируя на изменения в любом из «нервных центров» сети), - сетью, функционирующей по определению (в силу своей глобальности и единства) стихийно и потому неподконтрольной национальным и наднациональным государственным структурам;

(2) *приватизирован ограниченными кругами частных лиц, но при этом им не подконтролен;*

(3) *выполняет роль нео-денег — универсального «регулятора» и всеобщего эквивалента (меры стоимости, средства осуществления трансакций, сокровища и т. п.) корпоративно-сетевого рынка, роль своего рода «сети сетей», что делает всю систему цен (на товары, капиталы, в том числе инвестиции, рабочую силу и т. п.), трансакций, сбережений и т. п. зависимой от состояния этой суперсети;*

(4) *обладает в силу перечисленных выше свойств качеством виртуального самовозрастания (накопления виртуальной, вероятностной, ценности, выражаемой, однако, в «обычных» деньгах — долларах, евро, ибо они тоже становятся виртуальными), лишь косвенно связанного с производством и накоплением прибавочной стоимости; граница этого виртуального накопления, равно как и угроза его коллапса, была в качестве гипотезы определена выше<sup>13</sup>.*

Наиболее адекватной для *такого* капитала становится сфера «вторичных» и «третичных» производственных отношений<sup>14</sup>: это сферы финансов, торговли, других трансакций, где деятельность, отношения по поводу деятельности и функционирование материальных факторов этой деятельности порождены в большинстве случаев формой виртуального фиктивного капитала. Каждый из компонентов является не материальным продуктом, а социально-экономической формой как таковой.

Так мы приходим к выводу, что наиболее современные, определяющие лицо экономики сегодняшнего и завтрашнего дня *информационные продукты сейчас, главным образом, производятся, потребляются, распространяются в «превратном (фиктивном) секторе» — секторе воспроизводства превращенных форм человеческой жизнедеятельности, т. е. сфере, где одни превращенные социально-экономические формы используются для производства, тиражирования и т. д. других таких же превращенных форм, в той мере (очень важная оговорка!), в какой эта сфера не является управляющей подсистемой экономики.*

Иначе этот сектор можно определить как *социально-экономическое пространство, где воспроизводится в расширенном масштабе совокупность фиктивных стоимостных агрегатов (превращенных форм) и не создаются (как основной продукт его деятельности) ни материальные блага (блага, способствующие развитию личности), ни культурные ценности.*

С социально-экономической точки зрения *превратный сектор есть сфера создания,*

<sup>13</sup> Авторы вполне осознают ограниченность такого определения, дающего всего лишь перечень взаимосвязанных, хотя и весьма существенных черт виртуального капитала.

<sup>14</sup> В отличие от так называемых «первичных» производственных отношений, которые определяют бытие и сущность системы, «вторичные», «третичные» и т.п. отношения характеризуют механизм ее функционирования. Ниже авторы под «вторичными» (и т. д.) производственными отношениями подразумевают отношения по поводу деятельности, объектами и результатами которой являются социально-экономические формы предметов (деньги, ценные бумаги и т. п.).

*потребления и превращений (транзакций) продуктов глобального виртуального капитала.*

Историко-генетическая структура этого капитала дает ключ и к сегодняшней структуре превратного сектора.

Во-первых, присущие ему виды деятельности надстраиваются над свободной (рыночной) конкуренцией вследствие сознательного контроля и регулирования рынка со стороны крупнейших монополистических объединений и государственных органов в той мере, в какой эта деятельность направлена на поддержание и расширение гегемонии корпораций, в том числе и государств как суперкорпораций, а не на выполнение управленческих, социальных и т. п. производительных (с точки зрения общества в целом) функций. В то же время не следует забывать, что такая деятельность, как правило, одновременно служит и делу прогресса экономики, зачастую «исправляя» провалы рынка.

Во-вторых, превратный сектор растет вследствие развития отношений тотального корпоративно-сетевого рынка («рынка паутин»). Значительная часть менеджерской и маркетинговой деятельности — классический пример такого «плетения паутин».

В-третьих, важнейшим компонентом превратного сектора становится вся совокупность отношений, связанных с самовоспроизводством фиктивного капитала, который на рубеже XX-XXI веков в силу описанных выше обстоятельств становится системой «пузырей» виртуального финансового капитала. Эти пузыри пусты по своей сущности (в них не создаются материальные блага и культурные ценности), но поглощают огромные и наиболее высококачественные ресурсы и взрывоопасны как оружие массового уничтожения.

Наконец, превратный сектор включает в себя такие сферы как *военно-промышленный комплекс* и связанные с ним науку, образование, функционирование информации и средства контроля<sup>15</sup>, а также — *массовую культуру*, где в действительности культурные ценности отсутствуют и др.

В целом, превратный сектор может быть определен как *паразитическая составляющая «вторичных» производственных отношений* (в отличие от «управляющей подсистемы» хозяйства). Говоря образно, его можно сравнить со своего рода *гигантским пылесосом*, всасывающим наиболее ценные интеллектуальные, финансовые и т. п. ресурсы общества и запирающим их в пыльном мешке, где человек-творец превращается в «человека в футляре»<sup>16</sup>. Генезис информационного общества, повторим, создает для него адекватную материальную базу и интенсифицирует его развитие. Как следствие всего этого в современном мире, где господствует производство и потребление информации (как

<sup>15</sup> Следует иметь в виду, что ВПК (как и вообще превратный сектор) в условиях сохраняющейся гегемонии глобального капитала с его постоянной системой локальных войн и угрозой мировой войны, относительно полезен — обеспечивает национальную безопасность. И до тех пор, пока сохраняется эта гегемония, ВПК можно и должно лишь сокращать до уровня минимальной достаточности при параллельной конверсии оборонных производств, науки и т. п.

<sup>16</sup> Следует заметить, что всякая социально-экономическая система в период своего «заката» порождает гигантский превратный сектор. Так, поздний феодализм (например, во Франции XVIII века) отличался безграничной пышностью монархически-дворянской «надстройки» (двора и т. п.), которая оправдывала свое расточительство необходимостью выполнения функций управления страной, поддержания ее обороноспособности и т. п. Вплоть до этой эпохи едва ли не всем «просвещенным» слоям общества, за исключением разве что «вольтерьянцев», казалась очевидной неспособность не-дворян осуществлять функции управления, обороны и т. п., подобно тому, как ныне неспособными к этому считают всех, кто не принадлежит к касте «профессионалов». Схожие процессы легко можно было проследить и в СССР в период «застоя». Все это позволяет авторам вновь подчеркнуть правоту определения позднего капитализма (империализма) как *паразитического*, что было блестяще показано, в частности, В. И. Лениным. Другое дело, что этот паразитизм проявляется ныне не столько в показной роскоши (хотя ее тоже хватает, особенно у «шутов» нынешних «королей» — звезд массовой культуры и т. п. — да нефтяных шейхов), сколько в паразитизме «финансовых пузырей», оружия массового уничтожения и других крайне дорогостоящих и глобально-опасных феноменов.

превратной формы рождения мира культурных ценностей, мира сотворчества), цели деятельности человека, производящего и потребляющего информацию, управление этой деятельностью, информационные технологии становятся средствами подчинения человека правилам жизни в условиях отчуждения.

Авторы хотели бы отметить и то, что нынешний период характеризуется не только доминированием корпоративного капитала, но и попытками этого капитала скорректировать (к своей пользе, естественно) механизм формального и реального подчинения труда. Суть этой «коррекции» — в развитии переходных отношений, создающих возможности, с одной стороны, частичного (в рамках господства капитала) преодоления отчуждения труда от капитала, с другой, — использования, эксплуатации не только рабочей силы частичного работника, но и творческих, инновационных способностей целостного человека.

### 3. Тотальное подчинение человека капиталу

Прежде чем рассмотреть основные пласты подчинения труда современному капиталу, обратим внимание на *изменения в природе каждого из агентов самого капитала как отношения, как процесса извлечения прибавочной стоимости* в процессе эксплуатации рабочей силы<sup>17</sup>.

Рассматривая процесс как *глобальный*, мы можем зафиксировать следующее.

*Во-первых*, в конце XX - начале XXI вв. как никогда массовым стал слой классических индустриальных наемных работников (в мире в целом — более 1 млрд человек, а с учетом Китая, если считать его экономику преимущественно государственно-капиталистической — более 1,5 млрд человек), создающих классическим образом прибавочную стоимость. С учетом накопленной за столетия капитальной стоимости это — та масса богатства, которая в основном позволяет воспроизводиться материальным основам превратного сектора (не путать с фиктивным капиталом, уже давно оторвавшимся от действительной капитальной стоимости — овеществленного абстрактного труда).

*Во-вторых*, как будет показано чуть ниже, современный капитал частично присваивает богатство, создаваемое всеобщим творческим трудом. Это действительное общественное богатство (хотя стоимостная форма для него является иррациональной), лежащее в основе воспроизводства материальных и культурных основ современного капитала.

*В-третьих*, известный тезис об исчезновении капитала как накопленной прибавочной стоимости и превращении его в накопления граждан в основе своей неверен (во всяком случае, с точки зрения марксистской теории прибавочной стоимости). Но не потому, что мы отрицаем роль пенсионных фондов и других форм сбережений, используемых для капитализации: их роль действительно велика, хотя в *глобальной* экономике не является решающей. Дело в ином. В пенсионных и иных (страховая медицина, накопления для образования детей и т. п.) фондах аккумулируется преимущественно прибавочный продукт общества, который в условиях общественного присвоения и должен был бы использоваться на увеличение продолжительности жизни, рациональное использование свободного времени, содержание нетрудоспособных. Но в условиях капитализма дело обстоит сложнее.

Первоначально «классический» капитализм не предполагал включения этих расходов в необходимый продукт работника (детский труд, низкая продолжительность жизни). Однако научно-техническая революция потребовала перехода к среднему специальному и высшему образованию значительной части работников *развитых стран* как условию накопления капитала. Параллельно условием воспроизводства рабочей силы «профессионалов» стало увеличение продолжительности жизни. В этом же направлении действовали такие факторы как организованная борьба трудящихся и граждан, соревнование с советской системой, в конечном итоге — переход к социал-реформизму. В результате часть

<sup>17</sup> Авторы здесь и далее базируются на марксистской теории прибавочной стоимости.

этих расходов вошла в цену рабочей силы, часть стала вычетом из прибавочной стоимости. Кризис социал-реформизма, наступление капитала на социальные расходы (1) заморозили эти расходы в целом, (2) изменили пропорцию (относительно увеличились расходы за счет сбережений работников, относительно, а в большинстве стран и абсолютно сократились общественные расходы), (3) привели к концентрации этих сбережений в частных фондах, т.е. к *приватизации капиталом части необходимого продукта и общественного прибавочного продукта, используемой для накопления на социально-гуманитарные цели.*

Подытожим сказанное. Главными источниками образования капитала в современной глобальной экономике ныне являются по преимуществу «классическая» прибавочная стоимость (создаваемая в материальном производстве) и имеющее стоимостную форму всеобщее богатство, создаваемое творческой деятельностью в креатосфере. Эти источники, однако, трансформируются в инвестиции и личное потребление нового капиталистического класса (в том числе, корпоративной номенклатуры, «профессионалов» и т. п.).

После этих существенных ремарок по поводу процесса извлечения прибавочной стоимости мы можем обратиться собственно к проблеме подчинения труда капиталу.

Сущностью системы отношений гегемонии корпоративного капитала на современном этапе «позднего» капитализма становится *тотальное подчинение не просто труда, но и человека в целом капиталу*<sup>18</sup>. Оно снимает, критически наследует, с одной стороны, все предшествующие «достижения» капитала в деле подчинения и эксплуатации наемного труда, с другой — те предпосылки, которые создают для этого «рынок паутин», неоприватизация и доминирование виртуального фиктивного капитала. Иерархия отношений *тотального подчинения* определяется сущностью последнего — движением капитала к гегемонии над всеми человеческими качествами всех членов общества (а не только эксплуатации рабочей силы наемного рабочего).

Безусловно, эта тенденция к тотальной гегемонии никогда не реализуется абсолютно, сталкиваясь с контрсилами. И все же генезис и экспансия тотального подчинения труда капиталу стали знаменем уходящего века.

Первый «пласт» этого подчинения труда — «восстановление» (частично ограниченных предшествующим периодом социал-реформизма) «обычных» отношений формального и реального подчинения труда капиталу и, соответственно, извлечения абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

К концу XX века, несмотря на характерное для развитых стран сокращение индустриального производства и усложнение социальной структуры, в мире в целом достигли максимального за все предшествующие периоды масштаба эксплуатация ручного и индустриального наемного труда. Последний сосредоточен преимущественно в «классическом» (аграрном и промышленном) материальном производстве во «втором» и «третьем» мирах, в меньших масштабах — в «первом» мире. Эта эксплуатация характерна также для той части сферы услуг (транспорт, общественное питание и т. п.), где создается стоимость и, соответственно, прибавочная стоимость во всех странах. Суммарная численность наемных работников, занятых во всем мире трудом, создающим прибавочную стоимость, существенно выше, чем численность служащих превратного сектора. Именно эти наемные работники создают реальную материальную базу для функционирования относительно оторванного от нее фиктивного капитала, а именно — прибавочную стоимость, трансформирующуюся в накопленный капитал (объемы последнего за столетия господства капитализма и при нынешней производительности труда трудно измеримы).

Не следует также забывать о том, что неолиберальный этап «позднего» капитализма

<sup>18</sup> Упомянем в этой связи слова из уже упоминавшейся работы В. Грейдера, который специально подчеркивает, что основным конфликтом современного мира вновь является противоречие труда и капитала, а К. Маркс может с улыбкой взирать на всех кричащих о смерти марксизма (Greider W, Op. cit. P. 39).

характеризуется и «восстановлением» в большинстве стран (в том числе, например, в США) относительного, а в ряде случаев — и абсолютного обнищания пролетариата как устойчивых тенденций. В частности, среднечасовая реальная оплата труда в США за последние 25 лет сократилась. Разрыв в доходах высших и низших доходных групп увеличился; почти в 2 раза вырос разрыв в зарплате высших менеджеров — а это ныне скорее форма получения прибавочной стоимости, чем плата за рабочую силу — и большинства наемных работников.

*Второй «пласт»* отношений тотального подчинения труда капиталу связан со *снятием отношений труда и капитала*, характерных для первых двух этапов подрыва основ капитализма — *империализма и периода доминирования социал-реформизма*.

От империализма «сохраняется», в частности, многоступенчатая иерархия перераспределения прибавочной стоимости в пользу (1) развитых стран, (2) монополистических объединений этих стран с двойным, тройным и т.д. бременем эксплуатации наемных работников развивающихся стран.

От периода доминирования социального государства сохраняется характерная для развитых стран сложная система как ограничений эксплуатации в узком смысле слова (от ограничения продолжительности рабочего дня, недели и т. п. до прогрессивного подоходного налога и разнообразных форм социальной защиты), так и «корректирующих» механизмов формального и реального подчинения труда (от охраны труда до участия в собственности и управлении). Однако неолиберальный период, во-первых, ограничивает достижения предшествующего этапа и, во-вторых, подрывает механизмы их обеспечения: ослабление и снижение роли различных ассоциаций трудящихся, проходящие под давлением неомаркетизации, и «очаствивание» социальной жизни разрушают основы для противодействия росту эксплуатации.

И все же наиболее интересен для данного материала *третий «пласт»* подчинения труда — отношения, формируемые на нынешнем этапе «позднего» капитализма — отношения *тотального подчинения человека корпоративному капиталу в узком смысле слова*. Они не только вбирают все кратко охарактеризованные выше «пласты», но и добавляют нечто новое, прежде всего — *ростки подрыва подчинения труда капиталу с целью* (вот она, диалектика эпохи заката капитала) *укрепления этого подчинения*.

Главное в этих ростках — *попытка подчинения капиталу* возникающего в период заката царства экономической необходимости нового качества труда: творческой деятельности как функции самореализации *целостного человека*. Нацеленность на подчинение именно *целостной личности* и делает это подчинение *тотальным* по своей сущности.

Здесь требуется несколько уточнений. Существенно, что творческая по содержанию деятельность является по самой своей природе (1) неотчуждаемой и потому с содержательной точки зрения она не может быть объектом эксплуатации, (2) всеобщей, априори общественно необходимой (и в этом качестве она может служить аналогом денег — всеобщего эквивалента, продукта всеобщего труда), но (3) при этом, в отличие от денег, создающей безграничное (с количественной точки зрения) богатство, ценности.

Подчинение *такой* деятельности капиталу в его классическом виде с содержательной точки зрения является неразрешимой задачей (не случайно классический капитализм так и не смог создать в массовом масштабе капиталистически организованных форм творческой деятельности). Но это не означает невозможности возникновения социально-экономических отношений, подчиняющих капиталу (и отчуждающих от творца) социальную форму деятельности и ее результаты.

Именно эту задачу и начал решать во второй половине XX века корпоративный капитал, ища переходные формы, позволяющие ценой подрыва своих сущностных черт (подчинения труда капиталу) найти ответ на наиболее фундаментальный вызов эпохи — смену царства необходимости, основанного на отчужденном репродуктивном труде, — царством свободы, основанном на свободной творческой деятельности.

При этом в ближайшей исторической перспективе перед капиталистом стоит и будет стоять *задача подчинения* не столько собственно творческой деятельности, сколько



относительно более простого феномена — *новаторского, инновационного, профессионального потенциала работников и процессов их воспроизводства*. И здесь капиталом испробована сложная система переходных форм. Авторы хотели бы заострить внимание только на трех из них, показав пути подчинения капиталу новаторского потенциала «рядовых» работников, управленцев и творческой «элиты».

*Первая* — различные механизмы частичного снятия формального подчинения труда капиталу путем привлечения работников к выполнению функций капитала, в частности — к управлению и собственности<sup>19</sup>. Во всех известных авторам случаях (производственные советы в ФРГ, «кружки качества» в Японии, ESOP в США, сходные проекты в Европе и др.) эти механизмы всегда сохраняют основные функции в руках капитала, мобилизуя при этом в целях накопления последнего новаторский потенциал работников. В то же время эти механизмы создают элементы ассоциированного социального творчества работников и этим особенно ценны для будущего.

*Вторая* группа форм связана с широчайшим развитием феноменов предпринимательства и менеджмента, когда творческие, новаторские способности людей (причем, как правило, наиболее талантливых лиц) подчиняются капиталу и направляются в сферу деятельности по укреплению его гегемонии, что «оттягивает» творческий потенциал человечества от науки, искусства, образования, воспитания и других аспектов развития креатосферы, «царства свободы», не говоря уже об ассоциированном социальном творчестве (в различных формах — от профсоюзов и «зеленых» до левых демократических партий) как антитезе гегемонии капитала.

Наконец, *третья* форма отображена теорией «человеческого капитала». В основе последней лежит действительный феномен некоторой аналогии творческой деятельности как всеобщего труда, создающего неограниченную ценность, и капитала как самовозрастающей стоимости [ценности]. Человек как «капитал» — это человек целостно, со своим новаторским потенциалом, превращенный в капитал. При этом в отличие от классического наемного работника, *рабочая сила* которого превращается в переменный капитал, «капитал-человек» служит еще и своеобразной разновидностью (1) постоянного капитала, «изнашивающегося» (теряющего квалификацию) на протяжении определенного длительного периода, требующего периодических инвестиций в свое воспроизводство и т. п., (2) капитала-функции, так как инвестиции в «человеческий капитал» направлены на формирование собственных профессионалов корпорации, т. е. скорее не «классических» наемных рабочих, а служащих, членов корпоративной иерархии, выполняющих во многих случаях частичные предпринимательские функции.

Однако самое главное состоит в том, что творческий труд создает ценность, обладающую способностью постоянного «самовозрастания». Ценность продукта творческого труда бесконечно увеличивается как бы «сама собой» в процессе ее распределенности новыми творцами.

В конце XX века прогресс творческого содержания труда создает и ряд предпосылок *подрыва реального подчинения труда капиталу*, когда перед последним встает задача так видоизменить свою гегемонию, чтобы сама технология процесса деятельности, лежащая в основе капитала, позволила ему подчинить себе человека-творца. В полной мере эта задача в принципе неразрешима, ибо, как уже было замечено, творческая по содержанию деятельность неотчуждаема по самой своей природе.

Однако определенные переходные отношения (исторической аналогией здесь служит мануфактура или даже фабрика, использующая труд крепостных — феномен, хорошо известный «позднему» феодализму) здесь вполне могут возникнуть. Среди них, во-первых, монополизация капиталом «средств производства» творческой деятельности: развитие

<sup>19</sup> Зарубежный опыт в этой сфере проанализирован многими учеными. Обобщение эмпирического материала и массы зарубежных и отечественных работ можно найти в книге Калганова А. «Коллективная собственность и коллективное предпринимательство» (М., 1993).



частной собственности на ноу-хау и другие культурные ценности приводит к своего рода «огораживанию» капиталом культурных пространств, доступ в которые возможен для творца только путем подчинения капиталу (устройства на работу в фирму с обязательством неразглашения ее тайн...). Как следствие, во-вторых, возникает иррациональный по своему содержанию феномен собственности корпорации на результаты творческой деятельности (культурную ценность) и новые способности работника-творца (господство долгосрочных контрактов). В-третьих, «производство» творческих личностей также монополизировано капиталом, контролирующим наиболее высококачественные учебные заведения и центры переподготовки кадров (известны феномены сращивания элитных вузов с крупнейшими корпорациями и превращения первых — таких, например, как Гарвард в США — в ТНК). Наконец, в-четвертых, современный капитал доводит до совершенства характерные для любых обществ эпохи отчуждения (от азиатской деспотии до «реального социализма» и корпоративного капитализма) механизмы подчинения интеллигенции господствующей социальной силе.

Подчинение творческого труда капиталу открывает перед последним поистине безграничные перспективы повышения эксплуатации и извлечения прибавочной стоимости особого рода. Дело в том, что творческий труд, как уже было отмечено, способен создавать безграничные ценности, рыночная стоимость которых также оказывается бесконечно велика (приватизировав, скажем, произведенный неким гением рецепт лекарства от рака, корпорация, заключившая с этим творцом контракт, получит в свои руки источник едва ли не бесконечного роста богатства), несравнимо велика по отношению к доходу творца.

*Соединение ростков нового реального подчинения не только труда, но и человека капиталу с использованием новых механизмов формального подчинения создает предпосылки для сращивания элиты корпоративного капитала и элиты новаторов («профессионалов»), мультиплицируя власть капитала, как бы «умножая» власть современного корпоративного капитала на «власть» творцов.*

При этом, естественно, гегемония капитала приводит к тому, что прогресс творческой деятельности и ее материальных факторов уходит в русло развития их превратных форм: творческая деятельность преимущественно канализируется в прогресс узких *специалистов*, работающих на заказ превратного сектора (финансового капитала, ВПК, массовой культуры и т. п.), культурные ценности «надевают» на себя форму информационных *товаров*, находящихся в частной собственности крупнейших корпораций и т.д.<sup>20</sup>

Нельзя не подчеркнуть при этом, что наряду с ростками подчинения творчества капиталу *в современном мире существуют и ростки иных, основанных на использовании (хотя бы частично) свободного труда форм организации творческой деятельности.* Последнее может происходить, например, в рамках общественных фондов, независимых творческих коллективов, отчасти — государственных вузов и исследовательских центров, в форме «добровольного труда» (voluntary job) и т.д.<sup>21</sup>

В результате поздний капитализм мультиплицирует противоречие труда и капитала, рождая и новое *противоречие — человека и капитала.* К противоположности между общественными (по своей технологической природе) средствами производства и частнокапиталистической формой присвоения добавляется *противоречие между растущим потенциалом свободной творческой деятельности работников, развития личностных качеств Человека* (как родового существа), с одной стороны, и *глобальной гегемонией капитала, стремящегося подчинить себе даже личность человека, с другой.*

Оба полюса этого противоречия взаимозависимы, диалектически едины: капитал для своего прогресса должен развивать творческий потенциал человека, а это развитие, в свою

<sup>20</sup> Позволим себе аналогию с поздним феодальным обществом, например, Россией, где таланты и способности потенциальных буржуа-предпринимателей утилизировались феодальной системой и служили ее укреплению. Можно предположить, что ныне так же утилизуются на пользу «позднему» капитализму таланты потенциальных свободных творцов-новаторов.

<sup>21</sup> См., например: Kykin I. The End of Woit. - N.Y., 1995.

очередь, может в современном мире отчуждения протекать только в превращенной форме капитала и посредством отношений его гегемонии в той мере, в какой человечеству не удалось добиться (хотя бы в отдельных «оазисах», хотя бы частично) освобождения труда.

Развивая ростки новых механизмов формального и реального подчинения не только труда, но творческих способностей человека капиталу, последний ныне дополняет их системой отношений *корпоративного доминирования* капитала над трудом и (шире) человеком. Это *четвертый «пласт»* гегемонии современного капитала.

Начнем с того, что *современный корпоративный монополистический капитал представляет собой* не просто предприятие, но *как бы миниатюрную «административно-командную систему»* со многими присущими ей каналами власти/подчинения. Это замкнутая система: попавший в нее работник становится не столько свободным наемником, сколько членом закрытого «клана», дающего определенные привилегии и гарантии, защищающего от некоторых внешних воздействий и т. п., но вместе с тем требующего и определенных «жертв», обязательств по отношению к системе. Тем самым корпорация строится как сложная иерархическая система, подчиняющая *личность* человека (а не только его рабочую силу) некоему безликому механизму — административно-бюрократической власти. Подчеркнем, что такой характер власти означает не столько ее неэффективность, сколько власть замкнутого привилегированного слоя, обособленного от низов и реального процесса деятельности, причем сам этот слой подчинен интересам сохранения господства и экспансии безликой машины, над ним довлеют фетишизм формы, тенденции к доминированию вертикальной власти («я — начальник, ты — дурак») при постоянных болезнях ведомственности, коррупции и т.д.<sup>22</sup>. И хотя всякая корпоративная структура постоянно борется с этим, затрачивая массу усилий и средств на создание эффективного менеджмента, в целом она остается *по сути* бюрократической системой, основанной на отчуждении управления от труда (это отчуждение лишь отчасти, в переходных формах, снимается для высших и средних служащих штаб-квартир ТНК).

Отметим: представленный нами подход резко контрастирует с современными трактовками систем отношений и управления в корпорациях. Большинство авторов, пишущих о корпорациях эпохи генезиса информационного общества, акцентирует внимание на роли новаторов, интеллектуалов, профессионалов как относительно независимых от менеджмента, но принципиально важных для корпорации лиц, на переходе от иерархической к модульной организации труда, снижении роли административных каналов власти, возрастании значения внутрикорпоративной культуры и традиций и т. п. Фактически эти авторы (Белл, Дракер, Кэннон, Тоффлер, Несбит и др.) делают упор на феномены подрыва отношений подчинения труда капиталу в сферах управления и организации, развивающиеся по мере роста значения новаторских и предпринимательских способностей служащих среднего и высшего уровня. Однако это лишь одна из тенденций. Кроме того, в качестве фактов рассматриваются декларации о намерениях высшего руководства компаний и поучения из курсов менеджмента, *модели* управления и организации корпораций, а не реальные отношения в корпорациях. Наконец, что особенно важно, повторим еще раз: в качестве отношений внутри «корпорации» названные выше авторы по сути дела рассматривают, как правило, модели управления *служащими штаб-квартиры* или исследовательскими подразделениями, а не всеми звеньями гигантских транснациональных корпоративных структур.

В результате происходит идеализация (приукрашивание) реальных внутрифирменных

---

<sup>22</sup> Анатомия бюрократизма как определенного социального феномена (а именно — системы отношений, отчуждающих управление от трудящихся и превращающих его в монопольную функцию привилегированного, замкнутого и самовоспроизводящегося социального слоя, обособленного от реального трудового процесса), была раскрыта в нашей книге «Анатомия бюрократизма» (М., 1988). Новая версия этого текста, учитывающая работы М. Вебера, Д. Гэлбрейта, Э. Мандела и других авторов, содержится в книге А. Бузгалина «Переходная экономика» (М., 1994).

отношений, подобная идеализации «социалистической организации труда», свойственной для работ по теории социалистического управления<sup>23</sup>.

В результате бытия ТНК как административно-командной системы в миниатюре ее *наемный работник превращается еще и в служащего иерархической системы* со всеми характерными для нее специфическими законами, интересами и ценностями (от карьеризма до коррупции); он подчиняется капиталу еще и как «винтик» бюрократической системы. Вследствие названных причин работники, которых западная социология относит к слою «профессионалов», превращаются в рабов корпорации («матрицы» — позволим себе воспользоваться образом на шумевшего в 1999 г. американского фильма), причем даже не столько конкретной корпорации (хотя в условиях «пожизненного найма» или долгосрочных контрактов возможно и такое), сколько корпоративного капитала как конкретно-всеобщего содержания современного общества. Более того, как «винтик» этого корпоративно организованного капитала-функции работник становится трудоголиком, склонным к самоэксплуатации не столько вследствие творческого содержания труда, сколько вследствие своего подчинения этому капиталу-функции, превращения, если так можно выразиться, в *ничтожно малого «частичного капиталиста»*.

Как таковая, корпоративная система воздействует на *личность* работника, создавая социальные, юридические, психологические, идеологические и т. п. механизмы подчинения работника иерархии. Это подчинение может осуществляться в тонких и «деликатных» формах, свойственных системе «человеческих отношений», а может иметь вид тоталитарного по своей сущности подавления, широко использующего механизмы насилия (преимущественно в развивающихся странах).

Наконец, *корпоративная система усложняет и «размывает» границу между капиталистом и наемным работником* (в частности, вследствие процесса, получившего название «революции управляющих»), «втягивая» последнего (как служащего управляющей иерархической системы) в *частичное* осуществление деятельности, свойственной для капитала-функции, и тем самым встраивая его в деятельность по подчинению труда, порождая как бы самоподчинение и самоэксплуатацию (естественно, тоже частичную). Корпоративная структура, тем самым, создает объективную видимость (превращенную форму, скрывающую все описанные выше «пласты» гегемонии капитала) превращения наемного работника в члена корпорации, связанного с другими работниками системой «контрактов» в рамках единой структуры.

Так создается основа объективной видимости единства интересов, ценностей и т. п. работника-члена корпорации и капитала-корпорации, еще более подчиняя первого второму, *тотально «растворяя» работника в корпорации и подчиняя его не столько отдельному капиталисту, сколько целому — корпоративной структуре* (которая, как уже отмечалось, лишь в конечном счете фактически приватизирована элитой, контролирующей основные пучки прав собственности). Включая работника-профессионала высшей квалификации в иерархию корпоративной организации, капитал тем самым должен существенно видоизменять *параметры воспроизводства товара «рабочая сила»*, прежде всего — способности к труду работника-новатора, являющегося в то же время «рабом матрицы».

Такой работник должен иметь (1) высокий уровень образования, (2) определенную стабильность своей жизнедеятельности, а для этого (3) высокую продолжительность жизни и хорошее здоровье, а также (как условие воспроизводства квалификации) значительное свободное время... Перечень легко продолжить.

Если эти параметры не обеспечиваются общедоступной социальной системой, их должен воспроизводить сам работник (семья); отсюда, в частности, прямо вытекает

<sup>23</sup> Реальные механизмы жизни внутри штаб-квартир западных ТНК как своего рода аналогов АКС советского типа ярко описаны А. Зиновьевым (см.: Зиновьев А. Запад. М., 1997). Не менее впечатляющие картины внутрикорпоративного подчинения человека иерархии показаны в произведениях К. Воннегута.

необходимость осуществления наемными работниками массовых (в меру массовости «профессионалов») значительных сбережений, прямо связанных с названными параметрами воспроизводства дорогостоящей рабочей силы плюс качества *человека как «винтика» капитала-функции («раба матрицы»)*. Тем самым капитал сам вызывает к жизни массовые сбережения высших и средних слоев развитых стран и сам же их присваивает.

Такая модель воспроизводства работника-служащего (добавим сюда также закономерности воспроизводства «общества потребления») продуцирует формирование «общества стариков», где, наряду с позитивным процессом значительного роста продолжительности жизни (для меньшинства граждан Земли), наблюдается и вытеснение всех сторон внекорпоративной жизни человека (тоже, кстати, превращенной в «досуг» потребителя-клиента) в период старости.

Суммируем: *в условиях позднего капитализма человек целостно подчиняется корпоративному капиталу, одновременно воспроизводя его всей своей жизнедеятельностью.* Основными *капиталами такого подчинения-воспроизводства* становятся, *во-первых*, труд человека как не просто наемного работника, но и «раба матрицы» — трудоголика-профессионала, чьи новаторские качества и стремление к качественной деятельности подчинены и впитываются корпорацией, *во-вторых*, его бытие как клиента-потребителя, объекта манипулирования<sup>24</sup> и, *в-третьих*, аккумуляция его сбережений.

Развитие в конце XX века информационных технологий, гибких производственных систем, процессы миниатюризации и т. п. дали (по видимости) новый импульс для развития *некорпоративных систем организации труда*: труд на дому, частичная занятость и др. Однако во всех этих случаях возрастает реальная зависимость труда от капитала как целого (т. е. именно тотальная зависимость), хотя происходит это может зачастую по малозаметным каналам. Среди последних (1) отсутствие существенных гарантий социального обеспечения и, что особенно важно, занятости для работников, работающих неполный день, по временному контракту, на дому и т. п., что увеличивает не только норму эксплуатации, но и зависимость такого работника как от отдельного работодателя, так и от капиталистической системы в целом, лишая его возможностей самоорганизации, (2) воспроизведение механизмов «рассеянной мануфактуры» на новом этапе, лишаящих работников преимуществ обобществленного труда и не создающих коллективы (подобные фабрично-заводским), способные более эффективно, чем отдельный работник, противостоять капиталу, (3) интенсификация конкуренции между наемными работниками, (4) «очастнивание» не только труда, но и всех сторон социальной жизни работника, что приводит к еще большему подчинению человека тотальной власти капитала.

В этой связи принципиально важно заметить, что система названных каналов подчинения человека капиталу, мультиплицированная развитием «общества профессионалов», приводит к размыванию «среднего класса». Образуется (в соответствии с классическими марксистскими критериями, прежде всего — местом в системе общественного разделения труда и системе производственных отношений) не только социальный слой («прото-класс»), персонифицирующий гегемонию корпоративного капитала (новое качество капитала-собственности), но и социальный слой («прото-класс»), непосредственно осуществляющий (прежде всего в превратном секторе) эту гегемонию (новое качество капитала-функции). В целом эти два подразделения новой корпоративной буржуазии (вкуче с интегрированным в эту систему «человеческим капиталом» интеллектуалов, непосредственно обслуживающих гегемонию капитала в духовном производстве + средняя буржуазия) образуют новую *«высшую 1/3»* (а где-то и меньше) общества. Социальный статус, доходы и власть этой 1/3 активно растут на протяжении последних 20-30 лет.

<sup>24</sup> Механизмы социально-экономического манипулирования человеком в рамках современной системы раскрыты, в частности, в работе: Лимнатис И. Манипулирование: сущность, проявления, пути снятия. Философский и социально-политический анализ. - М., 2000.

В противоположность этому, собственно наемные работники, потенциальные субъекты массовой общедоступной творческой деятельности все более отстают от этой высшей части; *динамика* их социального положения (отсутствие существенных положительных сдвигов на протяжении тех же последних 20-30 лет при росте интенсивности труда) ближе к положению низшей трети населения развитых стран.

В результате можно предположить, что *при сохранении этих тенденций в недалеком будущем развитые страны станут «обществами одной трети (четверти...)»*, выкинув большинство своих граждан за порог «прогресса».

Завершая характеристику системы отношений тотальной гегемонии современного корпоративного капитала, авторы хотели бы указать на еще один, *пятый «пласт»* этих отношений — *систему неэкономических средств и методов гегемонии капитала*, делающих ее тотальной и «по вертикали» общественной структуры.

*Во-первых*, современный корпоративный капитал доводит до совершенства систему отношений *прямого насилия* как средств подчинения мира своей власти: войны XX века — две мировые и «локальные» (унесшие столько же жизней, сколько мировые); тотальный силовой контроль над современным мировым сообществом со стороны НАТО; контроль корпоративного капитала развитых стран за оружием массового уничтожения; его же монополия на общемировые секретные службы — перечень таких средств легко продолжить.

*Во-вторых*, современный корпоративный капитал фактически контролирует политическую жизнь современных развитых стран, а истеблишмент Большой семерки в основном контролирует мировую геополитику.

*В-третьих*, этот капитал обеспечивает свою гегемонию в духовной жизни, что особенно важно в период заката экономической формации и генезиса мира, в котором будет доминировать креатосфера. В духовной жизни капитал властвует, контролируя процесс воспроизводства интеллигенции и постоянно «впитывая» ее лучшие силы; подчиняя поистине тотально остальное население стандартам массовой культуры (поддерживающим и интенсифицирующим неомаркетингизацию и тотальное омещанивание) при помощи mass media — адекватных механизмов такой власти, используя множество других средств и каналов.

\* \* \*

Так складывается система отношений поистине тотальной (воспроизводящей в снятом виде всю предшествующую эволюцию капитала, пронизывающей все аспекты социальной жизни, воздействующей на все качества человека...) гегемонии корпоративного капитала. *На рубеже XX-XXI веков эта гегемония лишь возникает, усиливаясь политикой и идеологией неолиберализма. Станет ли она доминирующей или даже абсолютной — это зависит от сил ассоциированного социального творчества, единственных, способных бороться с этой гегемонией.*

Поступила в редколлегию 28.04.2003.

© Бузгалин А.В., Колганов А.И.